

УДК 82.0

ОТНОШЕНИЯ ТЕКСТА И ПРОТОТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

М. Н. Иванова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

Рассматривается проблема интерпретации текстов, которые прямо указывают на свой прототекст, но в разном объеме заимствуют его элементы (от всей структуры прототекста до одного лишь заглавия). Предложено разграничение подобных текстов по характеру трансформации в них прототекста.

Ключевые слова: *римейк, вторичный текст, прототекст, цитата*

Постмодернистскую литературу обычно характеризуют как интертекстуальную, пронизанную цитатными связями и диалоговыми межтекстовыми отношениями. Однако среди полицитатных текстов к. XX – нач. XXI вв. можно особо выделить так называемые *римейки*, которые строятся на основе широкого цитирования и переосмысления какого-то хорошо известного произведения. Примерами современных римейков могут служить как ориентированные скорее на коммерческий успех романы наподобие «Анны Карениной» Л. Николаева [5], так и произведения писателей с именем: «Чайка» Б. Акунина [1], «Накануне накануне» Е. Попова [6], «Наш человек в футляре» В. Пьецуха [7, с. 78–81] и другие.

Хотя в современной литературе римейк получил широкое распространение, природа его еще не определена. Римейк и его прототекст (то есть взятый за основу текст) тесно связаны на структурном и смысловом уровне, это позволяет классифицировать их как вторичный и первичный тексты. Однако остается неуточненным место римейка в кругу других вторичных текстов. Всё это неизбежно вызывает затруднения при интерпретации римейков и схожих с ними текстов.

Например, в повести Е. Попова «Накануне накануне» связь с романом И. С. Тургенева «Накануне» [9] проявляется на уровне цитатного заглавия, сюжета, расстановки персонажей, цитатных фрагментов речи повествователя и героев. При этом римейк Попова обладает смысловой целостностью, идейной оригинальностью и его суть не сводится лишь к технической замене лексики на более современную. Попов изменяет время действия и реалии тургеневского романа (окрестности Мюнхена накануне перестройки в СССР вместо окрестностей Москвы накануне отмены крепостного права), но сохраняет его деление на главы и общую идейную устремленность к поиску замечательного человека, для которого смыслом жизни может быть порыв к освобождению своей родины.

Главным героем повести «Накануне накануне» становится Андрон Инсанахоров (очевидно сходство с фамилией болгарина-революционера Инсарова). Тургеневская Елена, возлюбленная Инсарова, у Попова именуется теперь Русей, отчего возникает ассоциация *Руся – Русь – Россия*. Таким образом, судьба России в повести Е. Попова аллегорично решается через выбор Русей возлюбленного. Новое имя Елены может быть подсказано и литературной критикой на роман Тургенева «Накануне»: Н. А. Добролюбов, например, тоже видел в образе Елены аллорию России [4, с. 213].

В тургеневском романе за сердце Елены бились несколько женихов: скульптор Шубин, выпускник философского факультета Барсенов, чиновник

высокого ранга Курнатовский – представители искусства, науки и государственной службы, но она выбирает революционера Инсарова. Расстановка персонажей и их взаимоотношения в римейке в целом сохранены, однако почти все герои переименованы и наделены новыми чертами так, что постоянно прослеживаются параллели между ними и различными представителями власти в России и СССР. Например, Владимир Лукич напоминает В. И. Ленина, их имена совпадают, а отчество «Лукич» – симбиоз слов «Ленин» и «Ильич». Михаил Сидорович схож с М. С. Горбачевым. Отец Руси, Николай Романович, хвалится, что он якобы потомок Романовых. Он выбирает для дочери жениха, чье имя Борис Михайлович Апельцин-Горчаков – является анаграммой из имен Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева. Но Руся предпочитает им всем татарина революционера Инсанахорова, ведь не нашлось русского замечательного человека и в романе Тургенева.

Тургеневские цитаты в повести Попова «Накануне накануне» количественно доминируют. Но на их фоне появляются многочисленные советские штампы, просторечия, эротизмы, бранная и обсценная лексика. Абсурдное смешение чрезмерно грубого и вульгарного языка с элементами литературного языка тургеневского романа порождает «гибридный» язык римейка «Накануне накануне».

Итак, цитаты из романа Тургенева «Накануне» в своей целостности организуют ход повествования римейка «Накануне накануне», они служат основой его образной и идейной системы, а также участвуют в порождении особого гибридного языка книги Е. Попова. В повести-римейке цитирование тургеневского текста становится структурообразующим принципом, и это определяет восприятие ее как вторичного текста, на всех уровнях интерпретации зависящего от своего прототекста (именно структурное сходство исследователи отмечают в качестве главного признака вторичных текстов [3, с. 5]).

Возможны и иные отношения между текстом и прототекстом, когда диалогически обыгрываются смыслы прототекста, но не воспроизводится его структура. Созданный таким образом текст не является вторичным, поскольку строится не на «перестраивании» прототекста, не на воспроизведении в трансформированном виде его структуры, а только на его переосмыслении. Подобная ситуация возникает, например, в текстах с явным цитатным заглавием при отсутствии каких-либо структурных совпадений с прототекстом.

Так, рассказ В. Пьецуха «Крыжовник» [7, с. 89–111] апеллирует к чеховскому «Крыжовнику» [10], это акцентировано и тем, что рассказ входит в цикл «Антону Павловичу» внутри авторского сборника «Плагиат». Однако сам текст рассказа «Крыжовник» вполне самостоятелен, не воспроизводит чеховский рассказ на других уровнях структуры, смысл его заглавия раскрывается лишь в финальных абзацах. Рассказ посвящен описанию скитаний по всей стране главного героя Саши Петушкова, который легко загорается новыми идеями и в молодости делает карьеру комсомольского работника. В его судьбе отражается изменяющееся историческое время, реалии до перестройки и после, которые он пытается осмыслить. В конце 1980-х г. ему довелось пожить с маргиналами (с бичами на Колыме и сектантами в Сибири), которых он, к своему удивлению, нашел неплохими, думающими людьми, и даже был их лидером. Но каждый раз случай резко вырывал героя из привычной среды и заставлял менять жизнь и взгляды. В Москве после перестройки он открыл успешный бизнес, который в одночасье рухнул с приходом рэкетиров. Тогда Саша Петушков организовал социал-монархическую партию, которую он и возглавлял, пока с ее счетов вдруг не пропали все деньги. В

конце концов он приходит к тихой жизни в провинции, где самозабвенно выращивает крыжовник и выводит новые его сорта.

С одной стороны, в этом рассказе, как и во многих произведениях Пьецуха, отражено влияние реалий 1980–1990-х на судьбу человека, а изображение героя, обусловленного средой, обществом, напоминает традиции критического реализма и тезис «среда определяет человека». Но, с другой стороны, описание каждого этапа жизни героя носит скорее иронический оттенок, иронически поданы и сами обстоятельства, влияющие на героя: например, после распития спирта с золотодобытчиками в рабочей командировке в Магадане Саша обнаруживает себя в пятистах километрах оттуда без документов, но с копченой рыбой в авоське, на которую уже давно поглядывает странный плохо одетый мужчина. Такое одновременное воспроизведение и ироническое переосмысление традиции вполне характерно для постмодернизма.

В отличие от чеховского героя Николая Иваныча, всю жизнь посвятившего одной мечте – купить усадьбу с крыжовником, Саша Петушков пришел к тихой жизни на своем участке после долгих скитаний и многих неудавшихся начинаний. «Он вспоминал приключения молодости, как он скитался, любил, стремился, работал, страдал, и никак не мог решить одного недоразумения: а зачем...» [7, с. 111] – эта финальная фраза рассказа Пьецуха, пожалуй, является своеобразным ответом на реплику чеховского Ивана Иваныча: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» [10, с. 184]. Если в чеховском «Крыжовнике» прослеживается иронический взгляд на судьбу Чимши-Гималайского, то и Саша Петушков по-своему заслуживает иронического отношения, ведь ему был дан почти весь земной шар и простор, но обстоятельства вынуждают его прийти к тому же крыжовнику, только проделав гораздо более сложный и, как оказалось, бессмысленный путь.

Итак, цитата в сильной позиции рассказа Пьецуха «Крыжовник» – заглавие – ориентирует на восприятие чеховского «Крыжовника» как прототекста и поиски важных связей с ним. Однако при этом рассказ Пьецуха не является вторичным текстом по отношению к «Крыжовнику» А. П. Чехова, их связь строится не на трансформации всего прототекста, а только на его переосмыслении.

Возможны и другие отношения между текстом и его прототекстом. Например, если текст имеет цитатное заглавие и, казалось бы, явно указывает на свой прототекст, тем самым задавая читательское ожидание римейка, однако ожидания эти не оправдываются. Так построен цикл рассказов С. Солоуха «Картинки» [8] с чеховскими заглавиями («Ионыч» [8, с. 16–23], «Каштанка» [8, с. 99–106], «Лошадиная фамилия» [8, с. 71–79], «Крыжовник» [8, с. 7–15] и др.), которые выглядят, на первый взгляд, случайными. В каждом случае можно обнаружить некое неожиданное оправдание заглавия, но только через сложные метонимические или метафорические связи. В рассказе «Лошадиная фамилия» один из героев носит фамилию Буденнов, возникают ассоциации с Буденным и его конной армией, а в «Каштанке» герой в ресторане обращает внимание на барышню, сидящую в компании молодых людей, и она вскоре «идет за ним»). Критики по этому поводу замечают: «Между прочим, решение этой задачи – почему рассказу присвоено такое название – не просто увлекательно, но также проясняет текст (или фрагменты текста), удивляет неожиданной авторской ассоциацией» [2, с. 210]. При этом на первый план выходит встающая перед читателем задача экспликации прототекста,

что акцентирует игровую природу постмодернистской литературы, выводя на первое место ее развлекательную функцию.

Таким образом, можно говорить о разных типах соотношения текста и прототекста в литературе постмодернизма. Первый рассмотренный случай – это римейки, вторичные тексты, не просто широко цитирующие прототекст, но воспроизводящие, пусть и в трансформированном виде, его структуру: и заглавие, и сюжет, и систему образов, и другие уровни. Тексты второго типа явно апеллируют к одному определенному прототексту. Они носят цитатное заглавие, как, например, «Крыжовник» Пьецуха, но не являются вторичными, поскольку переосмысливают прототекст, не будучи структурированы подобно ему, а только через ряд аллюзий и реминисценций. В третьем случае цитатой в сильной позиции – заглавии – задается указание на конкретный прототекст, однако смысловые связи с ним оказываются настолько эфемерны, что сам поиск их выходит на первый план и вовлекает читателя в игру ассоциаций и намеков. Каждый тип отношений порождает свою форму межтекстового диалога и требует особого изучения.

Список литературы

1. Акунин Б. Чайка // Новый мир. 2000. № 4. С. 43–66.
2. Александров Н. «Картинки» Сергея Солоуха // Дружба народов. 2000. № 5. С. 209–212.
3. Владимирова О. А. Вторичный текст в лирике: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2006. 18 с.
4. Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н. А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М.: Наука, 1970. С. 189–230.
5. Николаев Л. Анна Каренина. М.: Захаров, 2001. 304 с.
6. Попов Е. А. Накануне накануне // Попов Е. А. Ресторан «Березка»: повести. М.: Астрель, 2010. 477 с.
7. Пьецух В. Антону Павловичу // Пьецух В. Плагиат: повести, рассказы. М.: Глобус, 2006. С. 78–111.
8. Солоух С. Картинки // Солоух С. Естественные науки: Книга рассказов. М.: Время, 2008. С. 5–106.
9. Тургенев И. С. Накануне. М.: Худож. литература, 1964. 215 с.
10. Чехов А. П. Крыжовник // Чехов А. П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. М.: Худож. литература, 1983. С. 182–190.

**THE RELATIONS BETWEEN THE TEXT AND THE PROTOTEXT IN THE
POSTMODERN LITERATURE**

M. N. Ivanova

Tver State University
The department of theory of literature

We consider the problem of interpreting of the texts, which point out one prototext, but quote the elements of the prototext differently (some texts use all structure of the prototext, some texts quote only it's title). It is offered to distinguish such texts by the type of transforming of the prototext.

Key words: *a remake, a secondary text, a prototext, a quote*

Об авторе:

ИВАНОВА Марина Николаевна – аспирантка кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: webstud@mail.ru.